

А. И.
КУПРИН

Избранное

Лазурные берега

Александр Куприн

Виареджио

«Public Domain»

1912

Куприн А. И.

Виареджио / А. И. Куприн — «Public Domain»,
1912 — (Лазурные берега)

«Как известно, в Генуе существуют только две достопримечательности: статуя Колумба и знаменитое кладбище Campo-Sante. Но великого путешественника мы уже имели честь созерцать, а посещать места вечного упокоения мирских человек — слуга покорный — я никогда не был большим охотником. К счастью, я вспомнил, что совсем неподалеку от Генуи есть небольшое местечко, не то деревня, не то крошечный городишко, Виареджио. Оттуда родом один мой близкий приятель, цирковой артист, и там живут в своем небольшом домике его престарелые родители, которым он посылает большую часть денег, заработанных своим каторжным трудом. Каждый раз, при наших встречах, этот милый, сильный, ловкий человек звал меня к себе в Виареджио...»

© Куприн А. И., 1912

© Public Domain, 1912

Содержание

Александр Иванович Куприн Виареджио

Как известно, в Генуе существуют только две достопримечательности: статуя Колумба и знаменитое кладбище Campo-Sante. Но великого путешественника мы уже имели честь созерцать, а посещать места вечного упокоения мирских людей – слуга покорный – я никогда не был большим охотником. К счастью, я вспомнил, что совсем неподалеку от Генуи есть небольшое местечко, не то деревня, не то крошечный городишко, Виареджио. Оттуда родом один мой близкий приятель, цирковой артист, и там живут в своем небольшом домике его престарелые родители, которым он посылает большую часть денег, заработанных своим каторжным трудом. Каждый раз, при наших встречах, этот милый, сильный, ловкий человек звал меня к себе в Виареджио.

– Этим летом я нигде не буду работать, – говорил он мне убедительно, – я хотел отдохнуть. *Prego, signore Alessandro!*¹ Пойдем вместе на Виареджио. Там прекрасный пляж, на самом пляже один очень хороший ресторан, кругом очень деревья – все пинии, *très beaucoup*² пиний... о! какой аромат!.. и там самый лучший кианти во всей Италии. Мой мама и мой папа будут вам очень рады. Мы отдохнем, покупаемся и попьем вместе кианти.

Это была счастливая мысль! Я знал, что мой друг теперь дома, что он с удовольствием примет меня и что мы проведем пять-шесть приятных часов. Ведь известно, как тяжело и скучно затеряться двум иностранцам в совершенно незнакомом городе, не владея языком, не зная обычаев... И вот поезд через четыре часа доставил нас в Виареджио.

Маленький, очень скромный городишко, широкие улицы, белые дома, скудная, чахлая зелень из-за каменных оград, жарыща, ослепительный свет, белизна и невозмутимо сонное спокойствие. Нет! Положительно, я видал подобные заборы, дома и улицы где-то, не то в Рязани, не то в Ярославле, не то в Мелитополе, в жаркие, июльские, безлюдные дни.

Точного адреса моего приятеля я не знал. Маяком нам должен был служить «Ресторан под пиниями», и мы нашли его, хотя долго нам пришлось для этого расспрашивать прохожих, безбожно коверкая все европейские языки и прибегая к самым невероятным жестам.

Уголок этот красив. По своему расположению и по качествам он представляет из себя едва ли не лучшее купанье на всех лазурных берегах: дно – мягкий гравий, который нежно и упруго поддается под ногой; вода чиста, прозрачна и спокойна, и почва опускается вниз с плавной постепенностью. С севера море защищено густой растительностью, с востока – горами.

Мы с наслаждением искупались и, освеженные, повеселевшие, пошли в ресторан. Нам незачем было больше расспрашивать: он был, не считая купальных кабинок, единственным зданием среди тенистой, благовонной, прекрасной хвойной рощи.

Нам дали прекрасную вареную рыбу, креветки, равиоли и красное вино. Прислуживал нам молодой официант, красивый, как Ганимед, довольно неряшливо одетый, фамильярный и болтливый, как все итальянцы. Но он не мог нам дать никаких удовлетворительных сведений, да вдобавок и я сам хорошо знал только цирковой псевдоним моего друга, а фамилию забыл.

– Беррини, Феррини, Меррини... – наводил я итальянца, но он только недоумевающе раскрывал глаза, разводил руками и хлопал себя по бедрам:

– *No, signore, non capisco...*³

Тогда я, наконец, вспомнил, что отец моего артиста был раньше жокеем, но очень давно, а с тех пор, как сломал себе ногу, служит младшим тренером на каком-то конском заводе.

¹ Прошу вас, синьор Александр! (*ит.*)

² Очень много (*фр.*)

³ Нет, сударь, не понимаю... (*ит.*)

Но откуда мне набраться таких тяжелых и редко встречающихся слов, чтобы выразить эти понятия по-итальянски: завод, скачки, сломанная нога и так далее? Я сел на стул верхом, пробовал принять жокейскую посадку, левой рукой держал воображаемые поводья, а правой стегал воображаемым хлыстом лошадь... Итальянец склонял голову набок, разжимал пальцы опущенных рук и отрицательно качал головой:

– Non capisco.

Наконец он убежал от нас и через три минуты вернулся с другим официантом. Дело от этого только испортилось: мы совсем перестали понимать друг друга. Второй камерере побежал за самым старшим официантом, большим, толстым, румяным усачом, который с не меньшей готовностью вызвался помочь нам и правда кое-что изобрел. Он понял из моих объяснений несколько слов (он немного понимал по-французски, правда, не больше моего) и сразу развеселился: хлопнул себя ладонью по лбу, потом потрепал меня по плечу и сказал: «Пойдем, signore, пойдёмте. Цирк от нас недалеко, и я ничем не занят. Я вас провожу».

Оказалось, что и двое других лакеев тоже ничем не были заняты, и вот мы впятером идем вверх по горячей, ослепительно белой улице, находим обычную кафешантанную арку с какой-то надписью (что-то вроде «Apollo», «Olimpio» или «Chateau des Roses»⁴), входим в маленький сад с обычными рядами столиков и видим небольшую сцену с опущенным дырявым, полинялым занавесом. Мы свободно, с той милой бесцеремонностью, которую так часто можно наблюдать в Италии, проходим за кулисы, на сцену. Там занимается упражнениями группа акробатов: толстый пожилой мужчина, женщина лет тридцати – тридцати пяти и две девушки-подростка. Упражнения их заключаются в том, что они жонглируют деревянными предметами в форме бутылки, величиною с обыкновенную кеглю, но немного толще к основанию. Работают они одновременно четвером, с необыкновенной ловкостью перебрасывая друг другу параллельно и накрест эти довольно тяжелые предметы. Потом – момент, и все эти деревянные бутылки, одна за другой, выстраиваются в прямую вертикальную линию на затылке старшего акробата. Наше вторжение прерывает их работу. Хозяин труппы, в своей обычной серой цирковой фуфайке, подходит к нам и спрашивает, чем он может нам служить. Сначала мне кажется, что он немец. Я пробую заговаривать с ним по-немецки, как умею. Он отвечает очень свободно, но я ничего не понимаю. Тогда я вспоминаю, что все цирковые люди говорят на всех языках, и так как мне легче всего говорить по-французски, то мы все-таки начинаем понимать друг друга.

Но как только мы в достаточной мере объяснились, то я сразу вижу, что мой новый знакомый уже плетет сеть интриги. «Кто знает, – думает он, – может быть, со мной говорит директор цирка или его уполномоченный, который разыскивает артистов для нового предприятия?» И он начинает уверять меня, что о таком артисте, который мне нужен, он никогда не слышал и никогда его не видал. Это уже звучит неправдой, потому что международная семья клоунов, жонглеров, эквилибров, каучуков, жокеев знает друг друга прекрасно по псевдонимам и по биографиям. Когда я выразил сожаление, что помешал репетиции, он искательно предложил мне досмотреть их номер, подобный которому я вряд ли увижу где-нибудь в мире. Этот номер – его специальность, лично им изобретенный. В Берлине и Париже он производил громадное впечатление и собирал тысячную публику. Не угодно ли синьору поглядеть газетные рецензии? Словом, мы прощаемся с артистами и уходим в сад. Но тут один из официантов «Ресторана под пиниями» вдруг вспоминает:

– Синьор, знаете ли вы, что здесь самое превосходное пиво, а теперь так жарко? Не освежиться ли нам?

Мы садимся за столик и освежаемся в продолжение получаса. За это время два лакея из этой самой Альгамбры уже посвящены в наше недоразумение и принимают в нас горячее

⁴ «Замок роз» (фр.).

участие со свойственной пылким итальянцам горячностью. Они строят разные предположения, дают советы, и, наконец, мы отправляемся из Альгамбры уже не впятером, а целым небольшим отрядом отыскивать моего друга.

– *Forse misere!*⁵ – говорит один из Альгамбры, бритый и затасканный, с бачками на щеках, как у испанского тореадора, и вообще похожий на испанца. – Пусть меня разразят все громы небесные, если я не знаю, где найти верный адрес вашего друга! Вторая улица налево и потом направо не более пятидесяти метров: там есть кафе, где всегда собираются артисты, певцы и клоуны, – нечто вроде маленькой биржи. Хозяин – очень обязательный и предупредительный человек. Он, наверное, укажет вам не только адрес вашего приятеля, но также страну и город, где он может быть в настоящую минуту. Это прекрасная трагедия. В ней прохладно в самый жаркий день, и, кроме того, там божественное кианти.

Мы идем, обливаясь потом, куда-то на самый край города и попадаем в низкий, правда, очень прохладный погребок, с древних каменных стен которого каплет на нас сырость. Хозяин, толстый, лысый, добродушный человек, без пиджака, но в белом переднике, присаживается за стол, предупредительно вытирает рукой горлышко бутылки, и все мои неожиданные друзья – итальянцы начинают одновременно болтать, как стая сорок в весенний день. К нам присоединяются три-четыре добровольца, бог знает откуда взявшиеся. Они принимают в нас такое горячее участие, как будто дело идет об их утонувшем или убившем кого-нибудь родственнике. Такая оживленная жестикуляция, такой блеск глаз и такая страстность в общем крике, что я начинаю опасаться, не дойдет ли дело до ножей. Наконец властное слово хозяина решает нашу судьбу:

– Остается только одно. Пускай господа идут в полицию и справятся там. Иного я не могу ничего посоветовать.

И вот мы опять тащимся бог знает куда, на прежний край города, почти к тем же пиниям. К нам присоединяются любопытные. На нас указывают пальцами. О нас спрашивают, не стесняясь: «Где вы их поймали?» Мы уже начинаем чувствовать себя если не анархистами, то, по крайней мере, известными убийцами или международными ворами. Огромной толпой вламываемся мы в полицейский комиссариат по заплыванной, вонючей лестнице и вторгаемся в канцелярию начальника.

Этот человек оказывается родом из Венеции, рыжеватый, на редкость спокойный человек. Он терпеливо расспрашивает нас о нашем друге, помогая нам внимательными, наводящими вопросами. Стараясь как возможно яснее описать биографию, происхождение и деятельность моего друга, я чувствую, что путь проясняется. Начинаем перебирать все итальянские фамилии, кончающиеся на «ини», но найти настоящую не можем. Тогда любезный полицейский достает из ящика письменного стола толстую связку бумаг, начинает перелистывать их одну за другою, наконец останавливается на одной, к которой проволокой пришпилена толстая пачка итальянских бумажных денежек.

– Может быть, Чирени? – спрашивает он. Я радостно подтверждаю:

– Конечно, конечно, Чирени, господин начальник! Это он самый, но я никак не мог вспомнить такую простую фамилию.

– Зачем вам нужны его деньги? – вдруг строго спрашивает меня полицейский.

– Конечно, ни за чем!

И я начинаю ему рассказывать всю историю нашего знакомства с тем человеком, которого я разыскиваю, знакомства, начавшегося в Одессе, продолжавшегося в Киеве и в Петербурге, затем о его приглашении быть у него, о средиземной забастовке, которая нас застигла так неожиданно, и так далее.

⁵ Проклятая свинья! (*ит.*)

Должно быть, я говорю убедительно, а толпа, стоящая вокруг, с уверенностью подтверждает каждое мое слово. У них у всех такой вид и тон, будто они коротко знают меня с детства.

– Для вашего друга, – говорит начальник, – на днях пришли деньги откуда-то из России. Варварское название города, – я никак не могу выговорить при всем моем желании: Теракенти, Текшенти, Porce Madonna! В настоящее время нет здесь ни его самого, ни его отца, ни матери. Старики уехали куда-то на юг... Чуть ли не в Гаргано. Вот все, к сожалению, что я вам могу сообщить. А что касается вашего затруднения из-за забастовки, то могу вам дать один совет: мой двоюродный брат на днях мне телеграфировал, что завтра из Ливорно отходит пароход на Корсику, в Бастиа, в восемнадцать часов (итальянский счет ведется от полуночи до следующей полуночи – в двадцать четыре часа). В Корсике вы, наверное, найдете пароход на Марсель, а от Марселя до Ниццы – это пустяки. Конечно, если вы не предпочтете железную дорогу...

Мы бы теперь, конечно, предпочли железную дорогу, но уже одно слово «Корсика» вдруг волшебным образом расшевелило наше воображение своим необыкновенным именем.

– Корсика? – спросил я приятеля.

– Корсика! – ответил он.

Мы поблагодарили полицейского, расстались с ним друзьями на всю жизнь и вышли на улицу, сопровождаемые громадной свитой. Здесь, на тротуаре, старший официант «Ресторана под пиниями» дружелюбно обнял меня и сказал:

– Господа! Вы нам очень понравились, и к тому же вы – русские, которых мы так любим. Итальянцы любят свободу, и русские любят свободу (надо сказать, что все мы были уже достаточно красные от жары и от вина), – поэтому, знаете, пойдете напротив: здесь есть маленький кабачок, где подают прекрасную салями и делают ризотто с куриными печенками, как нигде в Италии и, значит, во всем мире. Andiamo!⁶

Что делать? Нужно было закончить круг впечатлений, и мы всей гурьбой внедрились в мрачный, темный кабачок, с длинными, липкими от вина и еды столами, с двумя замызганными бильярдами посреди комнаты. Пили какое-то кислое вино, ели ослиную колбасу и ризотто, клялись друг другу в вечной дружбе, звали итальянцев в Россию, а они нас просили навсегда остаться в Виареджио. Когда мы хотели платить, эти экспансивные, страстные люди сначала гордо отказались, сказав, что мы их гости, но очень легко позволили нам сделать это. Наконец мы вручили нашу судьбу извозчику, который тут же сидел и бражничал с нами и который нас довез до станции. Друзья-итальянцы долго посылали нам вслед прощальные жесты и воздушные поцелуи. И в самом деле, какую ложь наплели бедекеры об итальянцах, будто бы они корыстны, попрошайки и обманщики! Что за милые, простые, услужливые и гостеприимные люди!

Мы переночевали в Ливорно, а на другой день вечером уже плыли в Корсику.

⁶ Пойдем! (ит.)